

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч 48

Черкашина Ирина Игоревна

На виске Вселенной венка звенит... : стихи / Ирина Черкашина ; сост. – Калашников Н.Н. ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2017. – 80 с. : ил.

Ирина ЧЕРКАШИНА

На виске Вселенной венка звенит...

СТИХИ

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2017

©Ирина Черкашина

ЧЕРКАШИНА Ирина Игоревна родилась 31 января 1976 года в городе Краснотурьинске. Окончила Уральский государственный педагогический университет. Учитель-логопед.

Живёт в Новоуральске.

Редактор последних книг Ника Перумова.

Стихи и прозу пишет с детства.

Гость клуба «Контакт».

Песенка одиночки

Я с детства видел мир вокруг
Таинственным, как мрак.
Жить научились враг и друг,
Лишь я не мог никак.
И вот одним чудесным днём
Решил я: «Чёрт же с ним,
Пусть мир идёт своим путём –
А я пойду своим».

Пусть одиночество моё
В ночи острей клинка,
И та, о ком душа поёт,
Чужда и далека –
Я не жалею ни о чём,
Плачу за всё одним:
Пусть мир идёт своим путём,
А я иду своим.

Какие б ни настали дни,
Не дрогну никогда
Ни в счастье, ни в печали, ни
В день Страшного Суда.
Когда с небес ударит гром,
Падёт огонь и дым,
Весь мир уйдёт своим путём –
А я уйду своим.

Вместить весь мир на кончике иглы

Грёзы, посланья, сны
Юность несёт свои:
Мальчикам – для войны,
Девочкам – для любви.

Жить им – гореть в огне,
А умирать в крови:
Мальчикам – на войне,
Девочкам – от любви.

Что ж, найдётся кому
Сказывать сказки вновь:
Мальчикам – про войну,
Девочкам – про любовь...

Мои стихи

Уносит время бурною рекой
И дни, и ночи, радость и покой,

Все мелочи, все слёзы, все грехи,
И я пытаюсь складывать стихи,

Чтоб обмануть грядущее ничто,
И я пишу... Но всё не то, не то!

Не выразить, не рассказать в словах,
Что вижу наяву или во снах.

Как к свету солнца вырваться из тьмы,
Вместить весь мир на кончике иглы?

Читая Хлебникова

Сумасшедший поэт, математик и птицелов,
Рассказать тебе, чем я жила,
Всех трудов и дней моих часослов
Пробубнить ли наспех: дела, дела...

Нет, не стоит прахом марать зенит.
Где-то рядом истина, от неё
На виске Вселенной венка звенит.
Это сердце, верно. Моё? Твоё?

Не оставить лучше нам всё как есть,
Болтовни поменьше, возьми стакан –
Помянем-ка, друже, – ты там, я здесь, –
Ту скалу, где умер великий Пан.

Рахманинов

Сколько надо пережить,
Из какой вернуться дали,
Чтобы море заключить
В тесном ящике рояля.

Зыблет штиль, кружат шторма
Вдохновения и муки.
Там, где берег, свет и тьма,
Парой чаек плещут руки.

Порча

Я не знаю беды, что была бы горше,
Чем проклятие творчества, чёрной порчи
Беспощадней рака, страшней маразма, –
Быть другой, не такой, неудобной, разной.
Это вовсе не разница. Это разность
Между мной и многими. Труд и праздность,
Боль и счастье, как глупо бы ни звучало,
Сотню раз прожить и начать сначала.
Только мало кто понимает это.
Потому-то порчены все поэты,
Потому и мне в человечьем мире
Не учить ни грамоты, ни цифири,
Ни куда идти мне, ни с кем идти мне.
Прижимается время ко мне интимней,
И всё чаще себя ощущаю бездной.
Не такой. Бессмысленной. Бесполезной.

Берега неведомых земель

В тех краях, которым нет названья,
Где ветра пьянящие, как хмель,
Ждут меня в предутреннем тумане
Берега неведомых земель.

В час, когда из тьмы проглянет сонно
Горизонта синяя дуга,
С борта боевого галеона
Я сойду на эти берега.

Кем я стану – магом ли, солдатом,
Покорителем иных миров?
Ждут меня, сокрыты, кровь и золото,
Тайны подземелий и ветров,

Смерть в бою неравном иль победа,
Или счастье, странное, как сон...
Только знаю – все пути изведав,
Я опять взойду на галеон.

Потому что где-то в океане,
Не открыты и темны досель,
Ждут меня в предутреннем тумане
Берега неведомых земель.

Кароль и Эмма

Осень в Ристе. Разноцветье листьев.
Уличной художницы холсты.
Только блёкнут краски, сохнут кисти,
А глаза влажнеют. Эй, очнись ты!
За её спиной до темноты
Площадная шепчется богема:
«Поглядите, Кароль бросил Эмму!»

Розы увядают в палисадах.
От залива принесло дожди.
Всё угрюмей, всё темней фасады,
В переулках по ночам засады...
...Что ж он не сказал ей: подожди!
Может, в Ристе от того проблемы,
Что однажды Кароль бросил Эмму?

Вот зима уже коснулась улиц,
Закружила снежный хоровод.
Снова тени прошлого очнулись,
Холода и смерть сюда вернулись...
...Только кто по лестнице идёт?
Звук шагов – как песня, как поэма.
– Здравствуй, Кароль.
– Здравствуй, моя Эмма...

Если возвращается надежда,
Кажутся несчастья только сном.
Розы распускаются, как прежде,
И светлеют лица и одежды,
И сияет замок над холмом
Свадебной жемчужной диадемой –
От того, что Кароль вместе с Эммой!

Проигравшие

Уплывает сентябрь. Облетает сад.
Догорает закат углями в кострище.
Мы с тобой проиграли – пора назад,
Где не ждут, не ищут.

Стук осенних яблок как стук копыт –
Это наша судьба проезжает мимо,
И любовь, истаивая, горчит,
Словно запах дыма.

Мы уходим, не обнажив клинков,
Мы с тобой позорно бежим от боя.
Мы боимся шагов навстречу, оков,
Долгих битв с судьбою.

Мы бы их проиграли, конечно, но
Хоть недолго – сражались бы рядом, вместе...
Прогорели угли. Уже темно.
Ни любви, ни чести.

Асгард

Помнишь ли время, мой друг, мой брат –
Мир был ясен и прост.
Высился до облаков Асгард,
Ясень – до самых звёзд.

Мир был открыт всем ветрам и снам,
Яростен и любим.
Как он ложился под ноги нам –
Сильным, весёлым, злым.

Помнишь другое – время потерь,
Чёрный настиг нас рок.
Всё, что любили с тобой, – теперь
Пеплом лежит у ног.

Как нам утраченный дом вернуть?
Нет ни дорог, ни карт.
Был ли, сиял ли когда-нибудь
Славой своей Асгард?

Пели ли ветры, росла ль трава
Были ль ночи нежны?
Только лишь память о том жива,
Наши тревожит сны.

Память – и вера, что где-то ждёт
В прошлое тонкий мост.
Значит, за ней нам шагать вперёд,
В полный подняться рост.

В битвах клинок не роняя свой,
Верить – наступит срок,
Ясень, как встарь, осенит листвою
Сумрачный наш чертог.

Будут нам скальды о славе петь,
Кровь вскипит, горяча,
Станет, как прежде, достойной смерть
На острие меча.

Время придёт – вопреки врагам,
Мир, восставший из тьмы,
Заново ляжет под ноги нам.
Или – таким, как мы.

(К «Гибели богов-2»)

Баллада о линкоре «НОРД-ЙОРК»

С тех пор немалый минул срок
Среди ветров и вод,
Когда вошёл линкор «Норд-Йорк»
В имперский славный флот.

Водил эскадры по морям
Он целых десять лет,
Чужим флотам и крепостям
Немало сделал бед.

Однажды там, где путь меж льдин
Пролёт за край земли,
Явился Зверь Ночных Глубин,
Топивший корабли.

И королева шлёт приказ
Опять идти в поход,
И вот «Норд-Йорк» не в добрый час
Свой покидает порт.

Плыла эскадра день за днём
На север сквозь туман,
Но как-то в ночь ударил гром,
Взъярился ураган.

Такой был силы этот шторм,
Такую гнал волну,
Что даже флагманский линкор
Чуть не пошёл ко дну.

Эскадру раскидало вмиг,
И он доплыл один,
Где в сердце бури ветер стих,
Где Зверь Ночных Глубин.

Вскричали в страхе моряки:
«О горе нам теперь!
Глядите – вот он, Зверь Глубин,
Неодолимый Зверь!»

Как брёвна – щупальца его,
Глаза – как две луны.
Погибнем все до одного,
Мы все обречены!»

Но крикнул адмирал тотчас,
Взбегая на корму:
«Нам королевой дан приказ,
И мы верны ему!»

Мы Бриатаннии сыны,
Позор нам отступить!
Мы иль погибнуть здесь должны,
Иль Зверя победить!»

Огонь! – ударил правый борт,
Ударил левый борт,
И разъярённый Зверь Глубин
В ответ схватил линкор.

Взревела буря, грянул гром,
Как будто Божий смех,
И их сокрыл великий шторм
Навеки ото всех.

Так, говорят, с тех самых пор,
Повязаны судьбой,
Зверь и прославленный линкор
Ведут смертельный бой.

Проходит время, берега
Встают и тонут вновь –
Всё бьются, бьются два врага,
Кипят вода и кровь.

И если верх один из них
Одержит над другим –
Мир канет в бездну вод морских,
И все мы – вместе с ним.

Фанфикшн к «Молли Блэкуотер»)

О пользе рукописей

Совершенству нет предела!
В лютую пургу
Согреваюсь между делом –
Рукописи жгу.

Хороши, плохи ли строчки –
Им не повезло...
Но зато я знаю точно,
Что от них тепло!

Пишущим отчёты посвящается

Ты писал, забыв про всё на свете,
Врос в компьютер, телефон и стул.
Но никто твой подвиг не заметил
И никто не дал тебе отгул.

А теперь уже ты не узнаешь,
Как начальник скажет горячо:
«Спи спокойно, дорогой товарищ!
Ты закончил годовой отчёт!»

Песенка начинающей романистки

У меня бардак в квартире,
Окна в пятнах (все четыре)
И белья на стирку целый океан.
Муж не кормлен, чашки в мойке,
В дневнике у дочки двойки...
Не до них мне нынче –
я пишу роман.

В голове моей опилки:
Три сюжетные развилки,
Перестрелка, героиня в неглиже
Да Высокая Идея.
Вот герой очнулся: «Где я?»
Где я, где я...
Как всегда, в глубокой ж...!

Я в сюжет ползу на пузе,
Я живу в плену аллюзий,
Я цитирую в постели Нору Галь.
Для чего мне эта мука,
То не ведает наука.
Даже Гугль, умножающий печаль.

Хэппи-энд пишу – и точка!
Сдам в редакцию досрочно.
Напечатают – от радости напьюсь.
Правда, книжку день на пятый
Украдут в Сети пираты –
Тут к разбитому корыту я вернусь.

Снова быт затянет в сети,
Снова кухня, церковь, дети,
На работе кризис, дома – помело.
Затоскую, завздыхаю,
И зачем, сама не знаю,
Я за новый текст усядусь всем назло...

В тех городах живёт моя душа

Те города, в которых я жила,
Покрылись тонкой корочкой стекла
В моей непрочной памяти. Вначале
Я в эти стёкла упиралась лбом,
Я их пятнала пальцами и ртом,
И вот теперь уже не различаю
То дерево, то камень, то подъезд,
То надпись на кресте, то самый крест,
То гастронорм, то площадь, то плотину
Сквозь мутных отпечатков паутину.

В тех городах живёт моя душа,
По улицам гуляет не спеша
И в булочную входит осторожно.
Давным-давно мы дали с ней зарок:
Когда совместной жизни выйдет срок,
Поминки справить кремовым пирожным.

Её ещё я вижу. И она
Всегда рукой мне машет из окна
Спешащего куда-то там трамвая.
Она кричит – я слышу: «Видит Бог,
Пошла бы ты искать иных дорог,
Ведь ты жива. И я ещё живая».

Стальное сердце Петрограда

Сквозь плен дождей и снегопадов,
Сквозь дымку облачных завес
Стальное солнце Петрограда
Как Божий зрак глядит с небес.

Оно глядит, склоняясь ниже
К земле в закатных облаках,
Как дух Империи, недвижим,
На невских дремлет берегах.

Он грезит о былой свободе,
О том, что смерть опять легка,
И гром оружия подобен
Звонящей музыке стиха,

О новых землях и столице,
А солнце ждёт в своём пути,
Когда же спящий воплотится
И сны стальные воплотит.

Голландия

Умыты дождём черепичные крыши,
Раскинулся плющ по старинной стене,
Дыхание моря то громче, то тише –
Такою ты снишься, Голландия, мне.

Везде – в вавилонской толпе Амстердама,
В глубинке, где новости наперечёт, –
Степенно, без лишнего шума и гама
Жизнь словно вода по каналам течёт.

Мне люди кивают, как старой знакомой,
И я, проходя, улыбаюсь в ответ,
Как будто я дома, и будто не дома,
Вдали от привычных волнений и бед.

Кто знает, пусть времени минет немало,
Уже наяву, не увижу ли вновь,
Как в венах изогнутых тихих каналов
Струится вода – голубейшая кровь.

Скрипит вагон, слегка качаясь,
Стучат колёса подо мной.
Смеркается. Я возвращаюсь
Из путешествия домой.

Там светит лампа под часами,
Там ждут и чайник кипятят,
А я гляжу, как над лесами
Летит сиреневый закат,

И в дымных складках небосвода,
Так далека, что стынет кровь,
Горит звездой путеводной
Моя высокая любовь.

На сердце радостно-тревожно.
Мне чудится в вечерней мгле,
Что счастье всё-таки возможно
На этой горестной земле,

И для него не нужно много,
Пускай останутся всегда
Мой тёплый дом, моя дорога
И ясная моя звезда.

Наша улица

Взгляни в окно –
Там над горами солнце щурится.
Зовёт оно –
Давай пройдем по нашей улице!
Давай пройдем
Весенним днём
По нашей улице вдвоём,
По городу, где мы с тобой живём.

Ты помнишь ли,
Как пролетело детство давнее?
Из всей земли
В наследство нам с тобой оставлены
На склонах гор
Сосновый бор,
И город, и знакомый двор,
И улица, где мы живём с тех пор.

Меня с тобой,
Как будто ниточкой обычною,
Одной судьбой
Связала улица привычная,
И нас всегда
Вернут сюда
Из дальних странствий поезда,
Где светит нам счастливая звезда.

Девятнадцатый сентябрь

Когда-нибудь на склоне скудных дней
Близ вечности, увижу я во сне,
Как золотые, листья тополей
В небесной синей-синей глубине.

И свет осенний, ясный, тихий свет,
Что облегчает мысли и сердца,
И воздух давних сумасшедших лет
Коснётся нежно моего лица

И обожжёт мне горло, как одно
Жжёт светлое, невинное вино.

Пусть я приеду в город свой родной
И от вокзала не спеша, пешком,
По улицам, усыпанным листвой,
Пойду искать полузабытый дом,

И без тоски о прошлом, без тревог,
Без вихря обретений и потерь
Вернусь домой в конце земных дорог
И не закрою за собою дверь.

И пусть ко мне придут мои друзья,
Кого когда-то так любила я.

Улыбку глаз, покой их тёплых рук
Я снова вспомню на исходе дней.
Разбитый жизнью, наш старинный круг
Пускай во сне, но сдвинется тесней.

И будет день светиться, как янтарь,
И золотом сиять, и бирюзой...
Мой сон, мой девятнадцатый сентябрь
Блеснёт в глазах непрошеной слезой.

И в этом дне, далёком, как звезда,
Наверно, я останусь навсегда.

Ностальгическая песня

Ты помнишь, мы пили вместе
Студенческих лет вино,
И пели ночами песни,
Но было это давно.
Ты помнишь, порой встречали
Над книгами мы рассвет,
Влюблялись, не замечали
Таких беззаботных лет.

Припев: Никогда не забудем, хоть годы идут,
Ни Свердловск, ни друзей, ни родной институт,
Но теперь лишь во сне мы гуляем с тобой
По свердловским бульварам под первой звездой.

Друзей мы видим всё реже
Среди забот и сует,
Мы вроде остались те же,
Но в жизни чего-то нет.
Наверно, как пёстрый лоскут,
Как солнце в осколках луж,
Оставили мы Свердловску
На память кусочки душ.

Припев.

Немой напев проснувшейся травы

Цитаты

Весенний ветер бередит берёзы,
В полях белеет снег, бегут ручьи...
В тетрадке – ни строфы, ни строчки прозы,
Одни цитаты, неизвестно чьи.

Нет нового, всё сказано когда-то.
Но разве повторяюсь только я?
Сама весна – пространная цитата
Одной великой Книги Бытия.

Весна моя, седая замарашка!
Я сумерничать из многоэтажки
Сойду на серый и солёный снег.
Весна, оставим барские замашки,
Пойдём-ка в город, он один для всех.

Он нас приветит, как друзей старинных,
Потянет в центр, где яркие витрины
Кричат: «Зайди!» – и я иду на зов.
Ворочается ветер меж домов.
Весна, не будем плакать без причины,
Давай-ка лучше выпьем. Наливай
В стаканы сырость пополам с тоскою,
А после, остановки беспокоя,
Подцепим озабоченный трамвай,
Спешащий в парк. Да что ж это такое –
Трамваи в парк, а нам хоть в ад, хоть в рай?!

Весна моя, усталая старуха!
Ах, как на сердце холодно и сухо,
И сумерки по-зимнему мертвы.
Когда же наконец коснётся слуха
Немой напев проснувшейся травы?

Майский снег

Сегодня мир – зануда и чужак –
Не захотел снимать ночной колпак,
И тусклым утром снег как ластик
Стирает майских красок праздник.

Нет горизонта. В замкнутом кругу
Земля и небо, воздух и вода.
Деревья задыхаются в снегу,
Лениво плачут провода.
Невдалеке прохожих смутный рой
Плывёт, как стая рыб в глубинах речной.
Весь город движется в снегу обильном
Немым и непонятным фильмом.

Золотыми одуванчиками
И сиренью в полумгле,
Тенью, солнечными зайчиками,
Заплутавшими в стекле,

Тополями многоярусными
Город в лето перетёк,
Облака – большие парусники –
Провожая на восток.

Этот июнь прекрасен, как райский сад.
Видно, и на земле нашлось ему место.
Вот облака плодами небес висят,
Вот одуванчик, трогателен, как невеста

Перед венцом, и так же непостижим,
Вот под листом жучок притаился красный...
Мы сквозь июнь с тобою легко бежим,
Ни суете, ни времени не подвластны.

Словно во сне, едва касаясь земли,
Сквозь солнцепёк и трав золотые сети,
Сквозь тополя и щебет дрозда вдали
Мы убежим туда, где не знают смерти,

Где нам с тобою по десять неполных лет
Или чуть меньше – неважно, ведь эта точка,
Место, где ты ещё праведник и поэт,
В каждой душе Творцом означена точно.

В райские кущи легко зарастает путь,
Тени прозрачны, а в мире так много света...
Стой, подожди, отдышимся хоть чуть-чуть.
Всё ещё только будет – и жизнь, и лето.

Июль

Этот косогор – как берег моря:
Жёлтый донник, голубой цикорий,
Пена подмаренника у ног.
Здесь начало и конец историй.
Знойный воздух, ноющий висок.

Солнце истекает соком млечным.
Кто сказал, что время быстротечно?
Затрещат кузнечики в ночи
Как цикады, грубо и беспечно.
Голос лета: слушай и молчи.

Последний день июля
Неистов и висок,
Он солнцем бьёт, как пулей,
Без промаха в висок.

Он зол, и есть причина.
Он чует – не дурак! –
Что осень дышит в спину,
Как неизбежный враг.

Август

Ночь. Тёплый ветер над крышей
Звёздную заводь колышет.
Августа долгий исход
Строчку за строчкою пишет
В книгу с названием «Год».
Острым пером всё быстрее
Ставит тире-метеор
К росчерку Кассиопеи
Вниз, на пергамент озёр,
Мелко исписанный снова
Знаками неба ночного.
Слушай, молчи:
Слышится эхо в ночи
Старого-старого Слова.

Мимо-летнее

Дачный полдень. Благодать.
Кузнецы стрекочут где-то.
Травы сохнут, и опять
В никуда уходит лето.

Уж неделю ветерок
Беспокойней в кронах сосен,
А в затылок, словно рок,
Тихо-тихо дышит осень.

Близко время перемен,
Переездов, перелётов.
Тёмных дней. Холодных стен.
Злой бессонницы. Работы.

То ли дело: тишь да гладь,
Дым из труб, укроп, малина...
И никак не удержать
Лето, дремлющее мимо.

Ещё сентябрь...

Ещё сентябрь, ещё растёт трава,
На пнях сидят опята-переростки.
Ещё заметно, как едва-едва
Ласкает солнце пыль на перекрёстке.
Ещё не слышно, как плывут сюда
Армады туч медлительно и грозно.
Ещё не наступили холода.
Ещё сентябрь. Ещё не слишком поздно.

Золотая кошка осень

Ночью к нам во двор прокралась золотая кошка осень.
Распугала стаю листьев, раскидала в небе звёзды
И на липах задремала, будто так всегда и было.
Тихий двор наш изменился, беспокойней стал и шире –
Кошка осень в нём гоняет по ночам луну слепую,
До утра шуршит в сиренях,
 в полдень спит на солнцепёке,
А по вечерам тихонько к нам заглядывает в окна.
Озорница, непоседа, своенравная колдунья!
Что ей наше недовольство?
 Наша грусть о прошлом лете?
У неё в игрушках ветер, у неё в шерстинках солнце,
А в глазах её небесных безмятежность и насмешка.
Только-только мы привыкнем
 к беспорядку, к беспокойству,
И к шуршанию, и ко взгляду, и к теплу её живому, –
Кошка осень, наигравшись, ускользнёт от нас под утро.
Двор наш будет пуст и брошен
 всем ветрам на продуванье,
Всем дождям на поруганье, всем метелям на забаву.
А она уйдёт, неслышно по седой траве ступая,
Не печалась, не прощаясь – осень, кошка золотая...

Догорает сентябрь...

Догорает сентябрь. И ещё, и ещё, и ещё...
Так и жизнь отойдёт и рассыплется пригоршней бусин.
И ни ветер, ни травы, ни солнечный свет ни при чём:
Мы когда-нибудь их из слабеющих пальцев отпустим.

Торжество листопада, тяжёлая зрелость земли.
Сквозь янтарные блики на листьях глядим, замирая,
Как плывут мимо нас в дымке ласковой дни-корабли,
Уходящие в ночь из земного обжитого рая...

Вслед за осенней гулкой тишиной
Порой и я до неба дорастаю.
Земля моя лежит передо мной:
Отцветшая, спокойная, живая.

Лёт птичьих стай и ток холодных вод
Кружат меня, как крохотное семя.
Сентябрьских дней усталый хоровод,
Беспечно утекающее время.

Грядущие морозы не страшны:
В осеннем гуле слышу я, как тонко
И беспокойно бьётся пульс весны –
Как сердце нерождённого ребёнка.

Осень горькая, сухая...

Осень горькая, сухая жжёт костры.
С клёнов листья облетают до поры.

Облетают с неба звёзды, как мука,
А с души моей – труха и шелуха.

Постепенно, понемногу, по чуть-чуть
Обнажается неведомая суть,

Скрытый смысл обочин, дыма вдалеке
И синицы на ветвях, а не в руке,

Ветра, сплина, как его ни назови,
Смысл одной моей бессмысленной любви,

Льда на лужах, болей в сердце, снов, рябин...
Смысл окажется один, всего один.

Воссияет, словно светоч среди тьмы.
Нестерпимо. Ненадолго. До зимы...

Над городом, прямо над вышками сосен –
Мне видно из окон и даже с балкона –
Висит неподвижная хрупкая осень
На коконе перистого небосклона.

В глазах её грусть, а на крыльях – морщинки,
Беспомощно сжаты колючие лапки,
Потрескался панцирь на глянцевой спинке.
Я хлеб покупаю ей в крошечной лавке

В соседнем дворе, на асфальт у подъезда
Крошу и зову её: «Милая осень,
Поешь, это хлеб, это очень полезно,
Лети, ну пожалуйста, милости просим,

Лети же скорей!» Но она не слетает,
И скоро на чёрствое крошево хлеба
Осыплется шкурка её золотая
С пустого и скучного зимнего неба.

Осень. Странное время...

Осень. Странное время. Дожди и предчувствия.
Сны, странные сны под облачным небом.
На всём печать ожидания. Люди и вещи
Ждут чего-то, ждут... Спасения? Смерти?

Ветер скулит и плачет в холоде улиц,
В окна и двери стучится – отчаявшийся бродяга.
Но сияют окна во тьме вопреки ожиданью – надеждой.
Никто не спасётся.

Осень. Битва окончена...

Битва окончена. Синим небесным плащом
Осень слезинки со щёк моих нежно стирает.
Разве я плачу? Да воину плакать о чём?
Я отдыхаю у леса, у самого края.

Пёстрый ковёр умирающих трав под спиной,
Над головою – берёзы в заржавленных латах,
Брызги рябиновой крови, и ветер сквозной
Треплет лохмотья осин в кумачовых заплатах.

Солнце мне хлещет в лицо – я ловлю его ртом,
Вкус родниковой воды и вчерашнего хлеба.
Счёт и побед, и потерь – это будет потом.
Осень горит надо мной погребальным костром,
Времени лёгкий дымок устремляется к небу.

Лирика к похолоданию

Сто дней...

Утром тьма, и вечером тоже тьма.
Затыкай все щели, сиди, терпи.
Заметает душу, поёт зима,
Тянет силы, путает все пути.

Ведь бывает же солнце и тёплый дождь,
И листва шумит, навевая сны...
Но кругом снега, и куда уйдёшь?
Не уйдёшь – сто дней ещё до весны.

Как же их прожить, сто дней до тепла,
До живой травы, до шумящих вод?
Жди, терпи, надейся – и все дела.
И зима

сама

как-нибудь

пройдёт.

Я зимнему забвению не верю.
Зима так плотно запирает двери,
Скрывает рвы, дороги и мосты,
И шепчет мне: «Всё, от воды до зверя,
Впадает в спячку. Отдохни и ты.

В моих ладонях долго, сладко спится.
А если что ненужное приснится –
Придёт весна, меж нами говоря».
Придёт весна? Ох, не лукавь, сестрица,
Пока ещё начало декабря.

Когда растает снег, и схлынут воды,
Найду ли я опять свои невзгоды,
Любовь и боль, преграды и пути?
Да, после будет новая свобода,
Но там себя мне точно не найти.

Мне слишком поздно начинать сначала.
Так много нужно, а дано так мало!
Зима, зима, души моей не тронь.
Пусть я сейчас замёрзла и устала –
Встаю и убираю одеяла,
И в стылом доме развожу огонь...

Невермор, мой друг...

Шум в наушниках. День пробегом.
Сыплет оттепель мелким снегом,
Город смотрит чужие сны.
Понедельник. Иду с работы.
Триста дней ещё до субботы
И три тысячи – до весны.

Не люблю, не жду, не тоскую.
Время вышло на кольцевую,
Завтра то же, что и вчера.
Снег мелькает гуще и гуще.
Снова день, словно ход, пропущен, –
Не моя здесь идёт игра.

Вот вся жизнь, как дурная шутка:
Переполненная маршрутка,
Пробка, тропка, старый забор...
Дни теряются словно вещи,
И вдогонку мне голос вещей:
«Невермор, мой друг! Невермор!»

Екатеринбург, 7 ноября

И тает немножко, и слякоть, и холод,
И небо клубится вблизи
Брусчатки, заветрел и ёжится город,
Машины до окон в грязи.

Бурлит остановка, телами как тлями
Набита и бьёт через край.
Неисповедимыми ходит путями
Дремучий, гремучий трамвай.

У Ленина – мокрый пикет коммунистов,
Похожий на траурный марш,
И снег пролетает, и ветер неистов,
И хмурятся ЦУМ и Пассаж.

Сегодня не редкость плохая погода
На Площади Пятого года.

Консилиум

Декабрь доживает в морозе и мгле.
Ночами, царящими снова,
Сдвигаются звёзды поближе к земле,
Как лекари к ложу больного.

Что видят они со своей высоты,
Какие симптомы и знаки?
Трущобы и храмы, дворцы и кресты,
И мрак, и сиянье во мраке...

Мы смысла хотим – а живём наугад,
Мы лжём – и жалеем стократно.
А звёзды внимательно с неба глядят.
Задумчиво так. Непонятно.

Декабрь доживает последние дни,
И даже гадать уже поздно,
Что с нами придумают сделать они –
Чужие, холодные звёзды.

Февраль

Серый свет, серый снег, одинаковых дней вереница
Мне, наверное, снится.
Где-то рядом, под плёнкою времени, вечность таится.
Ударяюсь локтями, коленями,
Но всё падаю, падаю в пропасть и страшно разбиться.
Все любимые лица –
Лишь пена над омутом лет.
Растворится, растает их след,
А снега в феврале будут длиться, и длиться, и длиться.
Серый свет – и усталость
До самой последней границы.
Мне одно лишь осталось –
Заблудившись над морем, кричать умирающей птицей.
Всё иное лишь снится.

Это плачущий снег...

Это плачущий снег с тротуаров ещё не исчез,
Отползает, и, раненый, тянет сырую полосу.
От весеннего ветра свихнувшийся встрёпанный лес
Машет ветками, чтобы поправить причёску.
Это мелкие птахи, как школьники, звонко галдя,
Прилетели качаться на ветки дворового клёна.
И мужчины на женщин прохожих так странно глядят:
Изумлённо и пристально, словно немного влюблённо.
Это небо глазами пронзительной голубизны
Наблюдает, как прыгает пьяное солнце по лужам.
Это просто приметы внезапной уральской весны,
Чьей рукою мир заново выстиран и проутюжен.

Мне странно знать, что я люблю

О словах

Всё гадаю с неких пор –
В час назначенного срока
Отягчит ли приговор
Сказанное ненароком,

Зря, по глупости, со зла,
По ошибке, не по делу,
Что сдержать я не смогла
И о чём сто раз жалела?

Только знаю – Судия,
Взвесив на весах немало,
Все слова зачтёт, что я
Так тебе и не сказала...

Всё хорошо, my dear (попытка блюза)

Ты говоришь: как стало вокруг темно!
В небе давно не горит ни одна звезда.
Сколько можно тонуть, где-то рядом дно.
Ненависть, зависть, глупость, одна беда.
Ты говоришь: куда же катится мир?
Я говорю тебе: всё не так страшно, dear.

Что-то осталось и на другой стороне.
Коли есть ненависть – значит, есть и любовь.
Если не наяву – так хотя б во сне.
Ты же простишь меня за избитость слов?
Слушай, my dear, хоть фразе в обед сто лет:
Тьма за окошком не отменяет свет.

Разве всё это случается в первый раз?
Дня не бывало, чтоб ветер в мире утих.
Если звёзды не светят больше для нас –
Значит, мы сами станем светить за них.
Есть лишь одна возможность спорить с судьбой –
Нам друг за дружку держаться, my dear, с тобой.

Плохо ли, хорошо ли, с деньгами, без,
В горе, в болезни, под солнцем ли, под дождём,
Не уповая на милость слепых небес,
Вместе мы что угодно переживём.
Знаю, эти слова истёрты до дыр.
Так обними же... Всё хорошо, my dear.

Песенка ангела-хранителя

Я знаю: нельзя просить ни о чём,
Когда разорвана нить.
Но всё же – позволь стоять за плечом,
Позволь мне тебя хранить.

Хранить от болезней, тоски и бед,
Творить мои чудеса.
А всё остальное в твоей судьбе –
Ты с этим справишься сам.

Я рядом могу быть в жару и в дождь,
Я ночью вполглаза сплю.
Ты спросишь, зачем мне всё это? Что ж,
Я просто тебя люблю.

Я тень, невидимка, фантом, мираж,
Я счастлива, что ты есть.
Я ангел-хранитель, твой тихий страж.
Позволь мне остаться здесь.

Не ждать, не надеяться, не просить,
Лишь молча стоять в тени.
Чтоб мир мой держался бы на оси –
Позволь мне тебя хранить.

October and April

Двор опустел. С утра летит снежок.
По окнам хлещет ветер. На осине
Последний лист алеет, как ожог.
Но голос твой – уверенный и сильный,

Когда ты говоришь, что надо ждать,
Терпеть и верить: холода проходят.
Хватило б сил дожить и дрожь сдержать
Назло октябрьской мертвенной погоде,

Назло снежку и мыслям о былом,
О бренности, небрежности и боли...
Ты говоришь, что лёд сойдёт потом,
Снежок пойдёт в расход, листва – на волю.

Прости, но я не верю в чудеса.
Терпеньем разве лечат сплин осенний?
Забудь про всё. Приедь на полчаса –
Как бурное апрельское спасенье...

Мне странно знать, что я люблю,
Искать в толпе одно лицо,
Входить, подобно кораблю,
В спокойный порт в конце концов.

Мой взгляд – не якорная цепь,
Цепь лёгких бликов на волне.
О, как ей выдержать, сумеешь
Сдержать любовь мою – во мне.

Так странно говорить мужчине «мой»...

Так странно говорить мужчине «мой»,
Скорее, это он владеет мною,
И мы плывём цепочкою одной,
Как облака, меж небом и землёю.
Он для меня – я знаю – вьёт гнездо.
Как в школе сочинение по теме
До умопомрачения и до
Рассвета мыслит будущее время
И теплит свет на кухонном окне.
Но сны его ещё чужие мне.

Нарисованный букет

Ты рисовал букет. Мне было так неловко
Принять его, сказав «спасибо» невпопад,
Нести листок в руке домой от остановки
И думать, для чего нам послан снегопад.

Ты рисовал букет. Ты думал, он прочнее
Агонии цветов, зашитых в целлофан,
Что я его себе оставлю, не жалея
О том, что в пироге корица и шафран,

О том, что Рождество; оставлю круг за кругом
По площади пустой под ёлочным дождём,
Шампанское, во льду свернувшееся туго,
И тиканье часов, и слово «подождём».

Но я уже тону в снегу при каждом шаге,
И снег лепит в лицо – ну что за баловство! –
И акварель течёт по мокнущей бумаге,
И больше ничего.
И больше ничего.

На неслышных лапах подступает вечер,
А в ветвях деревьев колобродит ветер,
Дождиком укрытый, засыпает город,
И душа, наверно, вся промокнет скоро.

В этот серый вечер грустною весною
Что-то происходит странное со мною:
То ль иду куда-то, то ли жду кого-то,
Валится из пальцев всякая работа.

Может быть, сегодня, близко, далеко ли,
У кого-то тоже головные боли,
Кто-то ждёт кого-то, тоже ищет встречи...
Может, мы друг друга ждём и ждём весь вечер?

Что же происходит, как мне быть – не знаю.
Равнодушный город тихо засыпает,
Дождик разошелся и туманит стёкла,
И душа, должно быть, наконец промокла.

Дней минувших отпечаток

Шкатулка в форме сердца

Сад заросший, дом закрытый,
Дней минувших отпечаток.
В этом доме позабыта
Пара брошенных перчаток,

Пара кружек со щербинкой
И ключей ненужных связка,
Стопка мутных фотоснимков,
Недочитанная сказка.

Всё мне кажется, всё снится:
В этом доме, в зале гулкой,
Что-то важное хранится
В красной бархатной шкатулке.

Может, серьги, может, брошки,
Звон колечек обручальных,
Тёплый след ушедшей кошки
Или чей-то взгляд прощальный?

Прихожу сюда и снова
На крыльце стою у двери –
От её замка резного
Ключ давным-давно утерян.

Тишина. Не скрипнет дверца,
Пыль сметя, не стукнет ящик,
И шкатулка в форме сердца
Всё хранит свой хлам блестящий.

Начало ночи...

Начало ночи. Тёмный, словно тлен,
Стекает тихий стих с теней у стен
В воронку ветра, в августа настой,
В листву за ставни, в бой часов, в прибор.

И тьма томится, терпкая, как тмин.
Тотем – темница, тема – Тот, Один.
Луна, как полоз, ползает одна
У дна залива, у глазного дна.

Ей снится солнце: спицы и спираль,
Кастрюли нержавеющая сталь,
В которой море варит варенец
Веков, культур, кумиров, наконец.

Стихает стих. Столетия на столе
Не в стали, а в стекле и хрустале,
И море морщит хищные уста.
Пуста кастрюля. Вся земля пуста.

Кроме только жизни...

В этом мире маятном,
Вы уж мне поверьте,
Всё переживаемо,
Кроме только смерти.

В этом мире с тайнами
От суммы до власти,
Всё перерастаемо,
Кроме только счастья.

В мире, кровью стачанном,
В этом людном месте
Всё переиначимо,
Кроме только чести.

В этом мире суетном
В далеке ль, в Отчизне ль,
Всё перелицуемо,
Кроме только жизни.

День приносит иные заботы,
Но порой сквозь удушливый быт
Я пытаюсь припомнить кого-то,
Кто давно уже мною забыт.

Я, наверно, когда-то любила...
Где и как – мне не вспомнить теперь.
Слишком поздно, и память не в силах
Отворить запрещённую дверь.

В этой двери своими руками
Заперла я последний замок,
И кольцо с золотыми ключами
Скрыл медлительной Леты поток.

Только дверь оказалась непрочной:
Днём не помню почти ничего,
А во сне я шепчу каждой ночью
Позабывтое имя его.

Эта жизнь, эта быль, эта небыль
Затеряется в кронах дубрав,
И проткнётся вечернее небо
Золотистыми копьями трав.

Где-то молотом тяжко и гулко
Разрушают последний уют –
Это голуби старую булку,
Как раскрытое сердце, клюют.

Когда-то, в дальнем-дальнем детстве,
Был город как огромный дом,
И мне не нужно было греться
Чужим, придуманным теплом.

Замусоренными дворами,
Среди хрущёвок и общаг
Я шла до школы утром ранним,
Чуть-чуть чеканя лёгкий шаг.

И я была горда – быть может,
Тогда могла я быть горда,
Что город – мой, что день – не прожит,
Что жизнь – всерьёз и навсегда.

Мы будем жить, покуда мы живём.
Под снегом ли, под солнцем, под дождём
Мы будем жить, довольствуясь немногим,
Любовь из сердца вырывать живьём,
Разменивать пороги на дороги.

Мы будем жить, и дай нам, Боже, сил,
А если сил не будет – дай нам время,
Оно для нас предназначалось теми,
Кто у тебя ни часа не просил.

Мы все надеемся на что-то:
На деньги, чудо, на мечту,
Мы каждый день ждём поворота,
Ждём некой встречи на мосту,
А жизнь идёт и знать не знает
Ни наших грёз, ни нас самих,
И обрывается, и тает
Как мост над пропастью, как крик.

От новолуния – к полной луне.
От беспокойства – к расслабленной лени.
Как и в огромной природе, во мне
Чередование света и тени,
Силы и слабости, яви и сна.
Циклы вращаются снова и снова.
Вслед за зимою приходит весна.
Вслед за молчанием слышится слово,
Ночь растворяется в солнечном дне,
После покоя – дела круговертью.
Как и в огромной природе, во мне
Нет ничего, что закончится смертью.

Старые фотографии

Давным-давно отплакали поминки,
И никого домой не ждут с войны.
Лишь в зазеркалье пожелтевших снимков
Глаза погибших памятью полны.

Вглядись – увидишь: с этих хрупких клочьев
Разорванных войной сороковых
Несбывшиеся жизни кровоточат,
Живые лица застывают в них.

У старых снимков в пятнах и изломах
Своя судьба и истина своя:
Война и в темноте фотоальбома
Не гаснет в их обугленных краях.

Сырою, облачной весной
Под запахи дождя и дыма
Печалюсь я о всех любимых,
Кто был со мной и есть со мной.

Они среди моих забот
Растут, как полевые травы,
Которые рукой лукавой
Судьба когда-нибудь сорвёт.

И почему-то лишь весной
Я знаю: мне на этом свете
Не суждено их больше встретить
Ни в этой жизни, ни в другой.

И я печалюсь под дождём
О тех, кто ничего не знает,
Но с первым тёплым летним днём
О всех печалях забываю.

Полярная звезда

Дневная кончится тревога
В закатной стынувшей крови –
И можно думать хоть немного
Не о войне, а о любви.

Когда под вечер канонада
Даст передышку в полчаса,
Одну звезду ищу я взглядом
На тёмно-синих небесах.

Где б ни была ты, где б я не был,
Какая б ни стряслась беда –
Мы в этот час глядим на небо,
Где ждёт Полярная звезда.

Меж нами вёрсты, гул снарядов,
Бои ночные, ранний снег,
И думать нам с тобою надо
Не о любви, а о войне.

Но верю – в час такой же синий,
Едва утихнет гром побед,
Мы вместе встретим над Россией,
Над нашим домом этот свет,

И не расстанемся навечно.
Но до тех пор одна во тьме
Звезда Полярная нам шепчет
То о любви, то о войне.

Но трезвый рассудок порою дурманит луна

Октябрьский эль

Струится с неба тёплый свет,
Смирная стук сердец.
И на земле работы нет,
И у земли заботы нет,
И октябрю конец.
Мне думается: в этот свет,
Как в золотой проём,
Когда-нибудь на склоне лет
Мы все, мы все уйдём.
Но, слава Богу, не сейчас,
Не здесь, не в этот раз.
Сейчас листва нам как постель,
И солнце льёт октябрьский эль,
И в сердце бродит горький хмель,
И пыл наш не угас,
И видятся сквозь окоём
Черты иных земель...
Какой покой? Покой потом!
Мы нынче до краёв нальём,
И выпьем, и ещё нальём
Октябрьский славный эль!

Золотая осень

Осень, осень моя
Быстрокрылою птицей роняет
Перьев своих янтарь, яшму и бирюзу.
Краски её чисты.

Осень, осень моя
Поднесла мне в хрустальном бокале
Светлое золото вина
Долгих безоблачных дней.
Солнце – сердце её.

Осень, осень моя
По притихшему городу бродит,
Окон тёплых слегка
Касаясь и глаз людей.
Ветер – её душа.

Осень, осень моя,
Ты уходишь, как давнее детство,
А впереди зима –
Долгая, смутная жизнь.

Загадка

Одной непрерывной загадкой
Был странный сегодняшний день:
То солнце с улыбкою краткой,
То облачно-серая тень,

То тихий, то яростный ветер,
То снег пролетает, то дождь...
Ну как разгадать, что ответить?
Ведь жизнь никогда не поймёшь,

Ведь жизнь – это странная штука,
То длится, то рвётся, как нить.
Какая, скажите, наука,
Сумеет её объяснить?

Запуталась звезда в тенётах городов,
Я, сидя у окна, ловлю её глазами.
Троллейбусы идут ночными городами,
И слышен звон звезды на стыках проводов.
Троллейбусы идут туда, где стылый март
Оплакивает ночь неоном и аргоном,
И я ловлю звезду, и, может быть, инфаркт,
И остановки нет за длинным перегонном...

Сонеты

Бессмертие

Блеск золота и дорогих камней
Не усыпит беспочвенной тревоги.
Ни звон монет, ни царские чертоги
Не скрасят горечь проходящих дней.

А мир всё ярче, небо всё синей,
Всё больше часть отмерянной дороги.
Она ведёт – сквозь тернии и излоги –
К вершинам гор, к обители теней.

Кому дано достичь печальных врат
Страны, где вечен ветер и закат,
Лишь издали подобной Эльдорадо?

И есть ли смертный, кто оставит след
На высях рая и в ущельях ада,
Увидит тьму и ясный горний свет?

Человек

Я – странник на этой священной и горькой земле.
Мой посох из Древа Познания выструган Богом,
Мой ум неподвластен покою, а сердце тревогам,
И мысли подобны растеньям, а чувства золе.

Я вижу свой путь в одинокой космической мгле,
Не зная, пройдёт он по тюрьмам иль светлым чертогам.
Но всех бытие разберёт по своим каталогам,
Кому и когда на каком отплывать корабле.

Пусть я лишь бродяга по яви, я странник из сна,
Но трезвый рассудок порою дурманит луна,
И я удивляюсь скитаньям без смысла и срока.

Зачем я бреду по священным и горьким полям
Под взглядом печальным, суровым небесного ока?
К каким перекрёсткам, победам, мечтам, кораблям?

Бесконечность

Весь мир конечен: воды, облака,
Деревья, травы, звери, люди, стены,
Любовь, несчастья, клятвы, перемены –
Как капли, тают в вечности века.

Пусть кажется – дорога далека,
О, не ропщи, ведь звёзды тоже тленны,
Вся боль, и благодать земного плена
В анналах судеб краткая строка.

Хоть раз замри, останови свой взгляд
На том, о чём в миру не говорят,
И воплоти по воле вдохновенья

Увиденное в знак своей рукой,
Чтоб цепь подобных знаков, смыслов, звеньев
Была бы бесконечною строкой.

Янтарные чётки

* * *

Есть волшебный и тихий час
Каждым утром позднего лета:
Цветники, не раскрывши глаз,
В мягкий розовый свет одеты.

Утекает ночная тень,
И в хрустальной утренней стыни
Золотой открывает день
Горизонт совершенно синий.

* * *

Вновь царствующий август – чудака, богач и мот –
Устроил дивный вечер, достойный короля.
Лес чёрною пилою цепляет небосвод,
Звенящий, словно чаша цветного хрусталя.

Как розовые свечи, плывёт вдали закат,
Горит, горит, но звёзды взойдут когда-нибудь,
И в полночь метеоры над лесом засвистят,
Чертя в чернильном небе мгновенный светлый путь.

Взбирайтесь выше, звёзды, и падайте с небес,
Чтоб вечно оставаться на дне ночных озёр.
Как мелкие монеты, роняет листья лес,
Купив к зиме в рассрочку прозрачность и простор.

* * *

Грядёт сентябрь, ни на кого не глядя,
И в знак его приблизившихся слёз
Мелькают золотистых листьев пряди
В причёсках молодящихся берёз.

Свой путь ещё одним июлем пройден.
Кусты отяжелели: только тронь,
И чёрные жемчужины смородин
Посыплются в раскрытую ладонь.

* * *

Боже, спасибо, что я живу!
Солнце просвечивает листву,
Неба осеннего светлый лик
Нежно к земле приник.

Боже, спасибо за эти дни!
Катятся каплями слёз они,
Нижутся в чётки из янтаря
Пальцами сентября.

Боже, спасибо, что мир как дом,
Солнцем наполненный и теплом,
Только прохладен лесной простор
Синих горбатых гор.

* * *

А к осени в мире прошёл капитальный ремонт:
Деревья окрашены заново, вычищен ветер,
Сиреновой дымкой тонирован весь горизонт,
И солнце, как новая лампа, пронзительно светит.

Дизайнерской мысли порой не хватает оков.
Где тонкая грань меж находкой и форменным браком?
Маляр отчего-то наляпал мазки облаков
На небо, сверкавшее синим новёхоньким лаком.

* * *

Старинным золотом облиты,
Оттенка меди на заре,
Парят причудливые липы
Над улицами в сентябре.

И если ветер не разрушит
Их крон, на фоне синевы
Их ветви росчерками туши
Сквозят под кружевом листвы.

* * *

В солнечном дыме
Свечи берёз.
Кто теперь примет
Осень всерьёз?

Высохли кисти
Трав у дорог,
В ржавчине листьев
Спит ветерок...

Осень-разиня,
Где ж ты взяла
В пору предзимья
Столько тепла?

Содержание

Песенка одиночки	4	Июль	35
Вместить весь мир на кончике иглы	5	«Последний день июля...»	35
«Грёзы, посланья, сны...»	5	Август	36
Мои стихи.....	6	Мимо-летнее.....	37
Читая Хлебникова	7	Ещё сентябрь.....	38
Рахманинов.....	8	Золотая кошка осень	39
Порча	9	Догорает сентябрь.....	40
Берега неведомых земель	10	«Вслед за осенней гулкой тишиной...»	40
Кароль и Эмма.....	11	Осень горькая, сухая... ..	41
Проигравшие	12	«Над городом, прямо над вышками сосен...»	42
Асгард.....	13	Осень. Странное время.....	43
Баллада о линкоре «НОРД-ЙОРК».....	15	Осень. Битва окончена	43
О пользе рукописей	18	Лирика к похолоданию.....	44
Пишущим отчёты посвящается	18	Сто дней... ..	44
Песенка начинающей романистки.....	19	«Я зимнему забвению не верю...»	45
В тех городах живёт моя душа	21	Невермор, мой друг.....	46
«Те города, в которых я жила...»	21	Екатеринбург, 7 ноября.....	47
Стальное сердце Петрограда.....	22	Консилиум.....	48
Крым.....	23	Февраль.....	49
Дожди в Париже.....	24	Это плачущий снег.....	50
Голландия	25	Мне странно знать, что я люблю.....	51
«Скрипит вагон, слегка качаясь...»	26	О словах.....	51
Наша улица.....	27	Всё хорошо, my dear (попытка блюза).....	52
Девятнадцатый сентябрь.....	28	Песенка ангела-хранителя.....	53
Ностальгическая песня.....	30	October and April.....	54
Немой напев проснувшейся травы.....	31	«Мне странно знать, что я люблю...»	55
Цитаты	31	Так странно говорить мужчине «мой».....	55
«Весна моя, седая замарашка!...»	32	Нарисованный букет	56
Майский снег.....	33	«На неслышных лапах подступает вечер...»	57
«Золотыми одуванчиками...»	33	Дней минувших отпечаток	58
«Этот июнь прекрасен, как райский сад...»	34	Шкатулка в форме сердца	58
		Начало ночи.....	59

Кроме только жизни.....	60
«День приносит иные заботы...».....	61
«Эта жизнь, эта быль, эта небыль...».....	62
«Когда-то, в дальнем-дальнем детстве...».....	62
«Мы будем жить, покуда мы живём...».....	63
«Мы все надеемся на что-то...».....	63
«От новолуния – к полной луне...».....	64
Старые фотографии.....	65
«Сырою, облачной весной...».....	66
Полярная звезда.....	67
Но трезвый рассудок порою дурманит луна.....	68
Октябрьский эль.....	68
Золотая осень.....	69
Загадка.....	70
«Запуталась звезда в тенётах городов...».....	70
Сонеты.....	71
Бессмертие.....	71
Человек.....	72
Бесконечность.....	73
Янтарные чётки.....	74
«Есть волшебный и тихий час...».....	74
«Вновь царствующий август – чудака, богач и мот...».....	74
«Грядёт сентябрь, ни на кого не глядя...».....	75
«Боже, спасибо, что я живу!».....	75
«А к осени в мире прошёл капитальный ремонт...».....	75
«Старинным золотом облиты...».....	76

На первой странице обложки –
 рисунок Светланы Кротовой (Нижний Новгород)
 Тираж 50 экз.